

Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы

А.В. Чеботарев

доцент департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: achebotarev@hse.ru

Аннотация

Проблема юридической ответственности за нарушение антидопинговых правил остро встала в России с 2014 года, когда один за другим вышли в свет доклады канадского юриста Р. Макларена, в которых были отражены манипуляции с пробами российских спортсменов. Последствия, которые на сегодняшний день проявляются в спортивном сообществе России, еще предстоит осмыслить, а негативное влияние, оказанное ими на результаты внутренней и внешней политики нашего государства, скажутся только через несколько десятилетий. Отстранение от участия в международных соревнованиях национальных сборных, массовая дисквалификация высококлассных атлетов, запрет на проведение международных состязаний в России — это далеко не полный перечень мер, применяемых к Российской Федерации международными спортивными организациями. Страна предпринимает попытки выравнивания ситуации, и одними из антикризисных направлений являются пересмотр антидопинговой национальной доктрины и изменение российского законодательства, направленное на ужесточение ответственности не только за применение допинга в спорте, но и за склонение к такому применению, распространение запрещенных препаратов среди спортсменов и тренеров. В силу изложенных обстоятельств вопрос о юридической ответственности спортсменов, тренеров и иных лиц за нарушение антидопинговых правил представляется особенно актуальным. Для решения поставленных задач, во-первых, необходимо определиться с видами юридической ответственности за допинг, определить субъектный состав такой ответственности, исследовать виды и условия применения санкций за подобные нарушения, а также правила обжалования решений о наказании. Примечательным является то обстоятельство, что антидопинговая программа имеет международную подоплеку, и основными актами являются акты международного характера (конвенции и кодексы), которые имеют приоритет над российскими нормативными актами. Анализ позволяет выявить пробелы в законодательстве о допинге и определить перспективы и направления его развития и совершенствования. Автор использовал следующие методы: исторический, системно-структурный, логический и диалектический (общенаучные методы), а так же формально-юридический, сравнительно-правовой, юридико-догматический и другие специальные методы. Сделаны выводы о результатах исследования и предлагаются изменения в действующем законодательстве России.

Ключевые слова

допинг; антидопинговые правила; Всемирный антидопинговый кодекс; спортсмен; тренер; юридическая ответственность.

Для цитирования: Чеботарев А.В. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 76–97.

УДК: 34.03

DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.3.76.97

Введение

Вопрос о юридической ответственности в российской науке исследован основательно, и ему посвящены многие новейшие работы [Агеев А.А., 2015: 10]; [Сорокин В.В., Кутявин М.Н., 2018: 5]; [Капустина М.А., 2016: 52]; [Чуклова Е.В., 2016: 57]. При этом тема ответственности в сфере предотвращения использования допинга в спорте исследована недостаточно, однако следует выделить некоторые последние научные исследования в данной сфере [Амиров И.М., 2016: 176]; [Мохов А.А., 2017: 520]. Тему юридической ответственности в сфере допинга нельзя рассматривать обособленно, не обращаясь к общей теории ответственности в праве. Определяя юридическую ответственность как вид социальной ответственности, Н.И. Матузов и А.В. Малько подчеркивают, что «юридическая ответственность — один из видов социальной ответственности индивида. Ее главная особенность в том, что юридическая ответственность связана с нарушением юридических норм, законов, за которыми стоит принудительный аппарат государства. Это властно-императивная форма ответственности, опирающаяся на силовое начало. Здесь всегда присутствуют карательный, воспитательный и превентивный моменты» [Матузов Н.И., Малько А.В., 2004: 543].

Таким образом, юридическая ответственность — это установленная государством мера ответа индивида за нарушение определенных (санкционированных) норм поведения или запретов, опирающаяся на государственное принуждение. При этом в зависимости от тяжести нарушения применяется и соответствующий вид ответственности.

1. Условия применения юридической ответственности

Одним из условий применения той или иной ответственности является совершение субъектом определенных действий (либо его бездействие),

которые определены законодателем в качестве запрещенной модели поведения. Такая сконструированная модель поведения именуется составом правонарушения. М.А. Капустина справедливо отмечает, что правонарушающее, т.е. несоответствующее правовым предписаниям, нарушающее юридические нормы поведение (действие или бездействие) субъектов традиционно считается основанием для привлечения субъектов права к юридической ответственности [Капустина М.А., 2016: 54]. Следует согласиться и с В.В. Лазаревым, утверждающим, что «конструкция юридического состава представляет собой совокупность необходимых и достаточных с точки зрения действующего законодательства условий или элементов (и их признаков) объективного и субъективного характера для квалификации противоправного деяния в качестве правонарушения» [Лазарев В.В., 2002: 285]. В связи с этим справедливо утверждение А.П. Алехина, А.А. Кармолицкого и Ю.М. Козлова: «состав административного правонарушения — совокупность закрепленных нормативно-правовыми актами признаков (элементов), наличие которых может повлечь административную ответственность» [Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М., 2003: 168].

Рассматривая вопрос о составе правонарушения, следует подчеркнуть, что в российской юридической науке в основном рассматривается его четырехэлементный состав (объект посягательства, объективная сторона, субъективная сторона и субъект). При этом объектом посягательства всегда выступают общественные отношения в какой-либо сфере общественной жизни (здоровье, свобода личности, собственность и т.д.). В связи с этим необходимо определить и состав допингового нарушения. Выделение такого состава должно быть аналогичным исследованию составов уголовного или административного порядка. Как следует из смысла антидопингового законодательства, конструкция состава допингового нарушения определяется нормами Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте (2005) и Всемирного антидопингового кодекса (2015; далее — Кодекс ВАДА), дублированными в Общероссийских антидопинговых правилах (2015). Очевидно, что допинг оказывает негативное влияние на спорт, и «определенно, допинг как явление разрушает подлинную сущность спорта» [Байменова А.С., 2016: 19]. Определение допинга часто встречается в научной литературе, но, как правило, не является юридическим определением. Определение данного явления с юридической точки зрения является особенно важным моментом при исследовании возможности применения ответственности за использование допинга, так как от этого зависит квалификация действий субъектов ответственности.

С.В. Алексеев, исследуя возникновение допинга, отмечает, что «впервые термин «допинг» был использован для обозначения стимуляторов, которые использовались пловцами в 1865 году на соревнованиях по плаванию в Ам-

стердаме» [Алексеев С.В., 2008: 621]. В 1972 году в Медицинский кодекс Международного олимпийского комитета (1971 г.) было включено определение, из которого следовало, что «допингом является прием или использование чужеродных для организма веществ в любой форме или физиологических веществ в ненормальных количествах и вводимых ненормальными методами здоровым людям с исключительной целью — обеспечить искусственное и нечестное увеличение достижений в соревнованиях. К допингам должны быть отнесены различные психологические воздействия, направленные на повышение спортивных результатов». Далее С.В. Алексеев справедливо определяет допинг как «запрещенные фармакологические препараты, методы и процедуры, используемые с целью стимуляции физической и психической работоспособности и достижения благодаря этому высокого спортивного результата» [Алексеев С.В., 2008: 621].

Иногда считают наиболее полным аналогичное определение допинга, так, А.А. Деревоедов приводит определение, что «допинг — это введение в организм человека любым путем вещества, чуждого этому организму, какой-либо физиологической субстанции в ненормальном количестве или какого-либо вещества неестественным путем для того, чтобы искусственно и нечестно повысить результат спортсмена во время выступления на соревнованиях» [Деревоедов А.А., 2012: 70–79]. С таким определением трудно согласиться, так как, во-первых, допинг на сегодняшний день используется не только людьми, но и в отношении животных (что также запрещено антидопинговыми правилами), во-вторых, это не всегда «вещество», это может быть и запрещенный метод (например, переливание крови донора спортсмену), и, в-третьих, не всегда вводимое вещество является чуждым спортсмену. Например, переливание спортсмену его же крови не влечет введение в организм «чуждого» вещества, но в то же время запрещено правилами в качестве метода («кровяной допинг»). В данном определении справедливо определяется лишь цель таких манипуляций — нечестно повысить спортивный результат.

Действующие антидопинговые акты также определяют допинг весьма своеобразно. Так, ст. 2.1 Кодекса ВАДА устанавливает, что допингом следует считать совершение любого из перечисленных в ст. 2.1–2.10 действий (одного или нескольких) нарушений правил. К ним, в частности, отнесены: наличие запрещенной субстанции или ее метаболитов либо маркеров в пробе, взятой у спортсмена; использование или попытка использования спортсменом запрещенной субстанции или запрещенного метода; уклонение, отказ или неявка на сдачу проб, уклонение от сдачи пробы или без уважительной причины отказ или неявка на процедуру сдачи пробы после уведомления в соответствии с действующими антидопинговыми правилами; нарушение порядка информирования о местонахождении; фальсификация или по-

пытка фальсификации любой составляющей допинг-контроля; обладание запрещенной субстанцией или запрещенным методом; распространение или попытка распространения любой запрещенной субстанции или запрещенного метода; назначение или попытка назначения любому спортсмену в соревновательном периоде запрещенной субстанции или запрещенного метода, или назначение или попытка назначения любому спортсмену во внесоревновательном периоде запрещенной субстанции или запрещенного метода, запрещенных во внесоревновательный период; соучастие, помощь, поощрение, способствование, подстрекательство, вступление в сговор, сокрытие или любой другой вид намеренного соучастия, включая нарушение или попытку нарушения антидопинговых правил; запрещенное сотрудничество¹.

Из указанного следует, что к допингу относятся не только запрещенные препараты как объекты материального мира (что является обоснованным), но и действия (бездействие) виновных — отказ от тестирования, распространение запрещенной субстанции и т.д. (что сложно считать материальными объектами). Таким образом, можно сделать вывод, что антидопинговые акты понятия «допинг» и «антидопинговые правила» рассматривает как равнозначные, что не совсем корректно. Исходя из логических выводов, анализа норм антидопингового права и практики применения указанных норм следует, что допинг — это природное или синтетическое вещество или метод, выявляемое специализированным учреждением и запрещенное Всемирной антидопинговой организацией к использованию в спорте под угрозой наказания, употребляемое спортсменом или используемое в отношении животного с целью влияния на спортивный результат, а также любое деяние (действие, бездействие) отнесенное Всемирным антидопинговым кодексом к нарушению антидопинговых правил. Такое определение более полно отражает действительность в части использования допинга.

Вместе с тем объектом посягательства в допинговых нарушениях являются общественные отношения в сфере профессионального спорта, связанные с претворением в жизнь при проведении спортивных состязаний основного принципа спорта — принципа справедливой борьбы. Кроме того, родовым объектом выступает здоровье граждан. Данный вывод следует из смысла фундаментального обоснования Кодекса ВАДА, где сказано, что «кодекс призван сохранить «дух спорта», который включает в себя «этику, справедливость и честность; здоровье». Кроме того, ст. 4.3.1.2 указанного акта в качестве одного из критериев включения веществ в Запрещенный

¹ Всемирный антидопинговый кодекс 2015 г. // Официальный сайт Российского Антидопингового Агентства. URL: <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada-2015-code-ru.pdf> (дата обращения: 20.06.2019)

список указывает, что вещество включается в список, если «медицинские и другие научные данные ... свидетельствуют, что использование данной субстанции ... представляет реальный или потенциальный риск для здоровья спортсмена»². Следующим элементом является объективная сторона, которая описывается в Кодексе ВАДА. Например, ст. 2.9 указывает, что соучастием с точки зрения внешнего проявления деяния являются «помощь, поощрение, способствование, подстрекательство, вступление в сговор ... и т.д.»³.

Субъективная сторона состава допингового нарушения характеризуется виной в форме умысла, незначительной виной или халатностью, например, ст. 10.5 Кодекса ВАДА предусматривает сокращение срока дисквалификации на основании незначительной вины или халатности⁴. Что касается субъекта нарушения, то из смысла Кодекса ВАДА следует, что таковым в данном составе являются: спортсмен (ст. 2.1 «Наличие запрещенной субстанции в пробе спортсмена...», ст. 2.3 «Уклонение, отказ или неявка на процедуру сдачи проб»), тренер и иной персонал (менеджер, врач, агент) спортсмена (ст. 2.9, 21.2.6, т.е. лица, которые связаны со спортсменом единой целью — созданием условий при подготовке спортсмена к участию в соревнованиях и обеспечение его быта, лечение и т.д.). Примером привлечения к ответственности за соучастие тренера в нарушении антидопинговых правил может служить дело тренера Людмилы Федоровой⁵. При этом статус спортсмена и тренера определяется рядом нормативных актов, например, Общероссийскими антидопинговыми правилами (2015), Федеральным законом от 4.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»⁶ (далее — ФЗ «О физической культуре»), а также ст. 348.1 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (далее — ТК РФ). Так, из содержания указанной нормы ТК РФ следует, что спортсмены — это работники, «трудовая функция которых состоит в подготовке и участии в спортивных соревнованиях»⁷, а трудовой функцией тренеров является «проведение со спортсменами тренировочных мероприятий и осуществление руководства состязательной деятельностью».

Таким образом, в допинговом правонарушении выделяется состав такого нарушения с четырьмя его составляющими элементами. Отсутствие какого-либо из элементов состава, как правило, влечет освобождение субъекта

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ CAS 2016/A/4700 WADA v. Lyudmila Fedoriva. Available at: <https://www.tas-cas.org/en/index.htm>. (дата обращения: 27.08.2019)

⁶ СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

⁷ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

от ответственности за нарушение антидопинговых правил. Определение состава допингового нарушения необходимо, во-первых, для правильной юридической квалификации действий (бездействия) указанных лиц и, во-вторых, для возможности применения в отношении лица, нарушившего антидопинговые правила, иных видов ответственности, например, дисциплинарной (ст. 348.11-2, 348.11-1 ТК РФ).

2. Виды юридической ответственности за нарушение антидопинговых правил

На текущий момент отечественное законодательство устанавливает возможность применения в сфере допинга следующих видов ответственности:

уголовная ответственность — ст. 230.1 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» (введена Федеральным законом от 22.11.2016 № 392-ФЗ), ст. 230.2 УК РФ «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» (введена Федеральным законом от 22.11.2016 № 392-ФЗ), а также ст. 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта»;

административная ответственность — например, ст. 6.18 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) «Нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним» ;

спортивная ответственность (в соответствии с антидопинговыми правилами);

гражданско-правовая ответственность (в форме возмещения убытков в соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), а так же пени, штрафы и неустойки);

трудоправовая ответственность (дисциплинарная ответственность спортсменов и тренеров, являющихся работниками, и материальная ответственность).

Ряд авторов подвергает сомнению утверждение, что здоровье спортсмена является объектом посягательства по допинговым делам, подчеркивая, что «рассматривая в этом ключе уголовно-правовую ответственность в сфере допинга, необходимо заметить, что объектом преступного посягательства в данном случае является здоровье населения. Однако такое утверждение является дискуссионным» [Жеребченко А.В., Милин А.Е., Бадалова П.И., 2018: 113]. Проводя параллель между уголовными преступлениями в сфере борьбы с наркотиками, психотропными веществами и допинговыми субстанциями (многие наркотики признаются допингом — кокаин, марихуана), можно

утверждать, что они имеют один объект посягательства. Ведутся дискуссии, не является ли уголовное преследование по данной категории дел ущемлением права на свободу личности, ведь наркоманы в первую очередь причиняют вред своему здоровью, а им они вольны распоряжаться по своему усмотрению. Таким вопросом задается в частности М.А. Капустина, замечая, что вопрос соотношения правовой свободы и юридической ответственности, значения института юридической ответственности в государственно-правовом регулировании в последние десятилетия актуализировался в связи с проблемой широкомасштабного распространения наркотиков (психоактивных веществ) по всему миру [Капустина М.А., 2016: 55].

Вероятно, уголовная ответственность в части оборота наркотиков является справедливой, поскольку, распространяя данные вещества, виновные способствуют тому, что часть населения становится наркозависимой, в частности, молодое поколение, которое иногда пробует наркотики из интереса, а затем наступает привыкание. Относительно же введения уголовной ответственности в сфере допинга представляется, что к таким нововведениям следует отнестись критически. Имеют место сомнения, что в данном виде уголовные статьи на практике применяться не будут. Например, состав ст. 230.1 УК РФ несовершенен в части установления в нем специального субъекта. В частности, в статье указано, что склонение спортсмена к использованию допинга будет уголовно-наказуемым деянием лишь при совершении таких действий тренером, врачом или иным специалистов в области физической культуры и спорта. При этом не будет являться наказуемым склонение со стороны продавца спортивного питания, который, рекомендуя к употреблению какую-либо биологически активную добавку с завуалированным (как часто бывает) допинговым веществом, убеждает спортсмена принимать ее, уверяя при этом, что запрещенных препаратов в добавке нет, а принимавшие ее другие спортсмены сдавали допинг-контроль, и в их пробах запрещенных субстанций не обнаружено [Пешков Д.В., 2018: 98].

Таким образом, формально преступление совершено, но отвечать за его совершение некому, так как виновный не является субъектом в соответствии с редакцией соответствующей статьи УК РФ. Назрела необходимость изменить редакцию статьи, исключив из нее специальный субъект.

Что касается ст. 230.2 УК РФ, то она предусматривает ответственность за использование в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций или методов, например, спортивным врачом, когда спортсмен находится в бессознательном состоянии, а данный врач переливает ему кровь донора, которая содержит запрещенное вещество. В данном случае конструкция состава такова, что в нем не отражена цель такого введения допинга, что является неправильным. Поскольку антидопинговое законодательство указывает на одну из целей использования допинга — улучшение спортив-

ного результата, то было бы верным включить такую формулировку цели использования препарата. Не исключено, что целью введения допингового вещества при подобных обстоятельствах являлось именно спасение жизни атлета. Допустим, спортсмен потерял сознание на финише от большой физической нагрузки, и для стимуляции сердечной мышцы врач вводит ему дозу тестостерона, который в спорте запрещен. Если не принять таких экстренных мер, то спортсмен может погибнуть. Здесь целью действий врача является именно спасение жизни атлета.

Как квалифицировать действия такого специалиста в области спортивной медицины? Считать преступником такого специалиста неправильно, и ответить на эти вопросы должен законодатель путем внесения уточнений в действующую редакцию указанной статьи. Справедлив в данном аспекте вывод Т.О. Кошаевой и Е.В. Ямашевой: новые уголовно-правовые нормы направлены не против спортсменов, принимающих допинг, а против тех, кто их окружает [Кошаева Т.О., Ямашева Е.В., 2017: 100]. Специалисты, делая такой вывод, имеют в виду персонал спортсмена, обеспечивающий его деятельность в тренировочный и соревновательный периоды.

Говоря о возможности применения административной ответственности на основании ст. 6.18 КоАП РФ, следует указать, что требует уточнения на законодательном уровне (как и в приведенных выше статьях УК РФ) понятие «иного специалиста в области физической культуры и спорта». Например, вызывает неопределенность в вопросе отнесения к данной категории врача скорой медицинской помощи, который не имеет к спорту отношения, а прибыв по вызову на стадион к больному спортсмену, ради его спасения от гибели от болевого шока вводит ему обезболивающее, которое содержит запрещенный препарат. Думается, что такого специалиста нельзя наказывать ни в уголовном, ни в административном порядке. Но это должно быть указано в законе, в противном случае возникнут ситуации, когда однородные дела не будут рассмотрены единообразно. Е.С. Крылова справедливо отмечает, что следует разграничивать административную и уголовную ответственность за допинг как по предмету преступления, так и по субъектному составу [Крылова Е.С., 2019: 39]. То есть не всегда врач, вводящий спортсмену запрещенный препарат, может являться субъектом административной или уголовной ответственности.

3. О спортивной и гражданско-правовой ответственности

Пожалуй, наибольшее количество разногласий в рассмотрении вопроса о видах юридической ответственности за применение допинга вызывает ответственность спортивная. При этом спорным является отнесение спортив-

ной ответственности к ответственности юридической. Ряд специалистов, например, М.А. Прокопец и Ю. Зайцев считают, что «спортивная ответственность не является юридической и представляет собой разновидность корпоративной, поскольку вытекает из норм, содержащих правила поведения спортивных мероприятий, которые разрабатываются и принимаются спортивными федерациями» [Прокопец М.А., Зайцев Ю., 2008: 180]. Их точку зрения разделяют М.Г. Князькова и М.Л. Кортиев, указывая, что спортивная ответственность, «безусловно, не является юридической» [Князькова М.Г., Кортиев М.Л., 2013: 28]. И.М. Амиров, в свою очередь, отождествляет спортивную и спортивно-соревновательную ответственность и считает, что спортивно-соревновательная ответственность «наступает в результате нарушения участником спортивных состязаний спортивно-технических норм, которые непосредственно связаны со спецификой проведения спортивных состязаний и имеют значение только применительно к специфическим принципам, а также тактике данного вида спорта» [Амиров И.М., 2010: 121], т.е. он также не считает спортивную ответственность юридической.

Такие выводы делаются ввиду того, что нельзя отнести к юридической ответственности ответственность, которая устанавливается не государством, а негосударственными спортивными федерациями. С таким подходом следует согласиться, но нельзя согласиться с тем, что на сегодняшний день спортивная ответственность за допинг не установлена государством, и применение такого рода ответственности не опирается на государственное принуждение. В заблуждение при рассмотрении данного вопроса вводит и то обстоятельство, что действующее законодательство не содержит понятия «спортивная ответственность».

Однако ст. 2 ФЗ «О физической культуре» дает определение спортивной дисквалификации, определяя ее как «спортивную санкцию в виде отстранения спортсмена от участия в спортивных соревнованиях, которое осуществляется в соответствии с установленной компетенцией международной спортивной федерацией по соответствующему виду спорта, общероссийской спортивной федерацией по соответствующему виду спорта или соответствующей профессиональной спортивной лигой за нарушение правил вида спорта, положений (регламентов) спортивных соревнований, антидопинговых правил, норм и требований, утвержденных международными спортивными организациями, общероссийскими спортивными федерациями, профессиональными спортивными лигами, иными организаторами спортивных соревнований». Как видно из данного определения, спортивная дисквалификация, во-первых, является не чем иным, как спортивной санкцией, и, во-вторых, может применяться и за нарушение антидопинговых правил. Логичным является вывод, что спортивная дисквалификация как спортивная санкция является результатом применения именно спортивной

ответственности и, следовательно, спортивная ответственность за нарушение антидопинговых правил является юридической. Более того, применение Кодекса ВАДА (который устанавливает спортивную ответственность за допинг) на территории России установлено в форме ратификации российским законом Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте. Таким образом, можно утверждать, что спортивная ответственность за нарушение антидопинговых правил в России установлена на уровне закона, что позволяет ее отнести к юридической ответственности.

Наступление гражданско-правовой ответственности за нарушение правил о допинге возможно в ее классическом варианте — в виде убытков (ст. 15 ГК РФ) и возмещения вреда здоровью. В силу ст. 4.3 Кодекса ВАДА одним из признаков допинга является его негативное влияние на здоровье спортсмена. Следовательно, в случае причинения вреда здоровью спортсмена в результате использования в отношении него врачом или тренером запрещенной субстанции, может иметь место применение к указанным лицам (либо их работодателям) гражданско-правовой ответственности на основании ст. 1064 ГК РФ. Примером может служить случай со смертельным исходом талантливого хоккеиста клуба «Авангард» (Омск) Алексея Черепанова: игрок скончался во время матча. В ходе расследования экспертиза установила применение им допинга. Существенным здесь будет являться определение виновного в употреблении спортсменом запрещенных веществ, которые и будут признаны причинителями вреда.

Необходимо согласиться с А.Л. Власовым, рассматривающим несчастные случаи в спорте и отмечающим, что «повышенная инцидентность современного спорта детерминирует необходимость применения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни и здоровью атлетов» [Власов А.Л., 2001: 5]. Примером ответственности в виде возмещения убытков может быть ситуация, когда спортивный агент пловца, имея с последним гражданско-правовой договор о спортивном сотрудничестве, за свой счет арендовал дорожки бассейна, тренажерный зал, нанял специалиста по физической подготовке и диетологии, а также заранее приобрел билеты для вылета за рубеж с целью участия в чемпионате по плаванию, оплатил гостиницу, но перед выездом спортсмен провалил допинг-тест. В данном случае агент вправе взыскать убытки с данного атлета в гражданско-правовом порядке.

Следующим видом ответственности при нарушении антидопинговых правил является трудовая ответственность, существующая в двух формах — дисциплинарной и материальной. В связи с этим следует согласиться с А.М. Лушниковым и М.В. Лушниковой, что «трудовая ответственность складывается в рамках элементарных охранительных правоотношений, которые входят в структуру единого сложного длящегося трудового

правоотношения» [Лушников А.М., Лушникова М.В., 2009: 730]. Рассматривая этот вид юридической ответственности, следует сказать, что согласно ст. 348.2 ТК РФ на тренера и спортсмена (как на работников) возложена обязанность по соблюдению антидопинговых правил, при этом тренеру еще вменяется в обязанность обеспечение условий для соблюдения спортсменом таких правил. Следовательно, при неисполнении указанными работниками данной трудовой обязанности они могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности в соответствии со ст. 192, 193 ТК РФ. При условии соблюдения процедуры привлечения к ответственности к данным работникам может применено одно из дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, увольнение. Ввиду этого следует отметить справедливый вывод К.Н. Гусова и Ю.Н. Полетаева, что «привлечение работника к дисциплинарной ответственности должно осуществляться работодателем в строгом соответствии с общими правилами дисциплинарного производства» [Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н., 2008: 272]. Под процедурой привлечения к такой ответственности, под дисциплинарным производством следует понимать порядок, установленный ст. 193 ТК РФ: получение письменного объяснения от работника в течение двух дней, сроки наложения взыскания, ознакомление с приказом о взыскании и т.д.

4. Практические проблемы применения трудоправовой ответственности за допинг

ТК РФ предусматривает возможность увольнения спортсмена (п. 2 ст. 348.11) и тренера (ст. 348.11-1) за нарушение ими антидопинговых правил, установленное решением антидопинговой организации. Подобное увольнение работников по указанным основаниям является мерой дисциплинарного взыскания. Данная позиция подтверждена в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда России №52 от 24.11.2015 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров»⁸. Однако не все специалисты придерживаются такой точки зрения. Так, А.В. Завгородний считает, что «дополнительное основание прекращения трудового договора, указанное в п. 2 ст. 348.11 ТК РФ, не относится к дисциплинарному взысканию» [Завгородний А.В., 2010: 50]. С указанным выводом трудно согласиться, поскольку ст. 348.2 ТК РФ предусматривает в качестве трудовой обязанности спортсмена и тренера соблюдение ими антидопинговых правил. Следовательно, несоблюдение данных правил работниками является дисциплинарным проступком, за который согласно ч. 1 п. 3 ст. 192 ТК РФ может применяться увольнение «по соответствующим основаниям».

⁸ Российская газета. 2015. № 6841. 30 ноября.

Очевидно, что в данном случае такими соответствующими основаниями и являются основания, указанные в п. 2 ст. 348.11 и ст. 348.11-1 ТК РФ.

Таким образом, из анализа указанных норм следует, что при принятии решения в отношении спортсмена или тренера антидопинговой организацией, например, Российским антидопинговым агентством (РУСАДА), и спортсмен и тренер могут быть уволены по указанным выше основаниям за нарушение антидопинговых правил. При этом для такого увольнения достаточно разового нарушения и не имеет значения, какой вид наказания был применен к таким работникам антидопинговой организацией. Необходимо отметить, что основным видом наказания по делам о допинге является дисквалификация от полугода до пожизненной, но также может быть применено и предупреждение. Независимо от вида спортивной санкции может последовать и увольнение.

Очевидно, что спортсмен, к которому было применено предупреждение антидопинговой организации, уже на следующий день может выполнять трудовые обязанности в полном объеме, в то время как его коллега может быть отстранен от работы на четыре года в силу дисквалификации. Казалось бы, в таком положении дел можно усмотреть отсутствие логики, поскольку не учитывается тяжесть примененного наказания. Однако это нивелируется тем, что применение дисциплинарного взыскания к работнику является правом, а не обязанностью работодателя. Поэтому в подобной ситуации работодатель должен проявить и должную осмотрительность, и стратегическое мышление, прежде чем прибегнуть к увольнению. Если спортсмен является для него ценным, то стоит и повременить с увольнением. В таком случае целесообразно пересмотреть трудовую функцию работника и с его согласия поручить ему на период дисквалификации другую работу, не связанную с тренировками и участием в соревнованиях, например, деятельность в статистическом, аналитическом или скаутском отделах и т.д.

В связи с этим на практике встает еще одна проблема — отобрание у спортсмена или тренера, совершивших допинговое нарушение, объяснений, как того требует ст. 193 ТК РФ. Дело в том, что согласно ст. 7.10 Кодекса ВАДА антидопинговая организация не обязана извещать работодателя о принятом ею решении, т.е. работодатель может и не знать, что его работник дисквалифицирован за нарушение антидопинговых правил. Тогда может создаться ситуация, когда работодатель узнает, что у него возникло право на увольнение спортсмена, к примеру, только через несколько месяцев и с момента совершения нарушения, и с момента принятия решения антидопинговой организацией. В данном случае также необходимо предложить работнику дать объяснение по факту его дисциплинарного проступка, так как ст. 193 ТК РФ указывает, что объяснение должно быть получено «до применения дисциплинарного взыскания», когда бы оно ни применялось.

Зачастую дела о допинге рассматриваются в РУСАДА по 7–8 месяцев, т.е. с момента нарушения антидопинговых правил, например, заключения лаборатории о загрязненности пробы А и до принятия решения проходит более шести месяцев. В связи с этим становится затруднительным применение дисциплинарного взыскания, поскольку согласно ст. 193 ТК РФ «дисциплинарное взыскание ... не может быть применено позднее шести месяцев со дня совершения проступка». В перечне оснований, позволяющих использовать увеличенный срок, расследование дела о допинге не предусмотрен. На практике может сложиться ситуация, когда по причине неосведомленности или затянувшихся сроков разбирательства по делу о допинге работодатель пропустит срок привлечения работника к дисциплинарной ответственности. На деле это может означать, что какой-либо работодатель вынужден будет содержать дисквалифицированного за допинг работника, который фактически лишен возможности исполнять трудовую функцию в полном объеме. В связи с этим целесообразно внести изменения в ч. 4 ст. 193 ТК РФ, включив в качестве основания, позволяющего применять более длительный (более шести месяцев) срок производства по делу о нарушении антидопинговых правил. Достаточным в данном случае может быть срок в два года.

Проблемы в правоприменительной практике возникают и при обжаловании актов, принятых в отношении спортсмена. Как справедливо отмечает К.М. Кочедыкова, подача жалобы на тот или иной акт зависит, во-первых, от того, каков вид акта, который оспаривается лицом [Кочедыкова К.М., 2018: 66]. Действительно, для выбора инстанции, к которой следует апеллировать в спорах о допинге, необходимо выяснить, в какой из судов следует подавать жалобу, а также сроки обжалования. Следует отметить, что из смысла ст. 13 Кодекса ВАДА решение антидопинговой организации о наказании за нарушение антидопинговых правил вступает в силу с момента его принятия. Апелляция подается в Международный спортивный арбитраж (CAS) на уже вступившее в силу решение, что позволяет ее отнести по ее характеру больше к кассации, нежели к апелляции как таковой. Однако антидопинговые правила используют именно термин «апелляции», обозначая процедуру обжалования решений. Все это усложняет защиту прав работников в судебном порядке, поскольку на практике возникают проблемы, решение которых возможно лишь путем внесения изменений в трудовое законодательство.

Так, ст. 392 ТК РФ устанавливает месячный срок для обращения работника в суд с иском о восстановлении на работе. Начало этого срока определено непосредственно либо датой вручения приказа об увольнении, либо датой выдачи трудовой книжки. В случае увольнения в связи с нарушением антидопинговых правил спортсмен или тренер вынуждены обратиться в суд с иском о восстановлении на работе. Однако перед этим они подают апелляцию в CAS на решение антидопинговой организации с целью его отмены.

Согласно Процедурному регламенту CAS (в ред. 2014 г.) сроки рассмотрения таких апелляций составляет три месяца (если не идет речь о работе палаты «ad hoc» во время Олимпийских игр). На практике такой срок, как правило, составляет более шести месяцев. Примером может служить дело по обвинению в употреблении допинга спортсменки Л. Черновой, которое рассматривалось 9 месяцев⁹. Таким образом, при обращении работника в суд общей юрисдикции, у него не может быть на руках решения CAS об отмене решения о его дисквалификации; следовательно, в федеральном суде спортсмен или тренер смогут фактически лишь доказывать нарушение процедуры увольнения, но не могут оспаривать суть решения антидопинговой организации. В данном случае признание увольнения незаконным проблематично, при этом согласно Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — ГПК РФ; ст. 215) рассмотрение дела по допингу в CAS не является обязательным основанием для приостановления производства по гражданскому делу, что выглядит несправедливым. Выходом из указанной ситуации могло бы стать внесение изменений в ст. 215 ГПК РФ о том, что обязательным основанием для приостановления производства по делу является нахождение в CAS дела по рассмотрению апелляции на решение антидопинговой организации, решение по которому может повлиять на результат рассмотрения иска со стороны спортсмена или тренера. Внесение такой поправки будет способствовать справедливому разрешению споров с участием спортсменов и тренеров.

Рассматривая вопрос о применении юридической ответственности за допинг, следует обратить внимание и на коллизию, имеющуюся в действующем законодательстве, касающемся подведомственности индивидуальных трудовых споров с участием спортсменов и тренеров. Неопределенность в данном вопросе возникла после внесения в 2007 г. изменений в ФЗ «О физической культуре»¹⁰. Указанными изменениями в данный акт была введена глава 5.1, которая регулирует порядок рассмотрения споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений. Согласно нормам, включенным в данную главу (ст. 36.2), для рассмотрения данной категории споров в России создается постоянно действующее арбитражное учреждение, к компетенции которого отнесены в силу п. 11 ст. 36.3 указанного Закона индивидуальные трудовые споры спортсменов и тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений. Таким образом, Закон относит к компетенции третейского суда рассмотрение индивидуального трудового спора (в том числе с участием спортсмена). Такой подход законодателя к данному

⁹ CAS 2013/A/3112 WADA v. Lada Chernova & RUSADA. Available at: <https://www.tas-cas.org/en/index.htm> (дата обращения: 27.08.2019)

¹⁰ СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

вопросу вызывает недоумение и является неправильным как с практической, так и с правовой точки зрения. С точки зрения практики, на первый взгляд может показаться, что это обоснованно в отношении спортсменов и тренеров, поскольку позволяет рассматривать такую категорию споров в ускоренном порядке и в то же время с привлечением компетентных в спорте арбитров. Однако в таком случае не исключена ангажированность данных арбитров спортивным клубам — более богатым субъектом спортивной деятельности, нежели сами спортсмены и тренеры, что может повлиять на результат рассмотрения.

В спорте клубы чаще всего объединены в ассоциации, союзы или лиги и уплачивают членские взносы на содержание таких объединений, принимают участие в разработке локальных актов (регламентов, правил), т.е. клубы прямо заинтересованы в продвижении своих взглядов через указанные акты, и, естественно, они же формируют состав арбитров третейского органа. Более того, как правило, третейская оговорка содержится именно в регламентах спортивных лиг и федераций либо в типовых трудовых договорах, который являются приложением к такому регламенту, в силу чего спортсмен вынужден подписывать такие документы вместе с третейской оговоркой. Таким образом, налицо угроза ущемления прав игроков и тренеров.

Если рассмотреть данный вопрос с правовой точки зрения, то представляется, что указанная спорная норма, содержащаяся в пп. 11 п. 1 ст. 36.3 ФЗ «О физической культуре» не может применяться как противоречащая действующему трудовому и гражданскому процессуальному законодательству. Для разрешения данной коллизии необходимо воспользоваться правилом теории права о конфликте общей и специальной правовых норм, из которого следует, что при конфликте общей и специальной норм приоритетом обладает норма специального характера. Несомненно, что в части установления статуса спортсмена и тренера, определения политики развития спорта, применения спортивных санкций и т.д. нормы ФЗ «О физической культуре» являются нормами специального характера, но что касается установления трудовых отношений спортсменов и тренеров (прием на работу, заключение трудового договора, увольнение, рассмотрение трудовых споров с их участием и т.д.), то такие нормы содержатся исключительно в трудовом законодательстве России и являются специальными в соотношении с нормами указанного ФЗ «О физической культуре».

Ст. 5 ТК устанавливает, что нормы трудового права, содержащиеся в иных федеральных законах, должны соответствовать именно трудовому кодексу. Более того, ст. 382 ТК предписывает, что индивидуальные трудовые споры рассматриваются только комиссиями по трудовым спорам (далее — КТС) и судами (но не третейскими органами). Кроме того, ст. 391 ТК уста-

навливает перечень индивидуальных трудовых споров, рассматриваемых непосредственно в судах. Таким образом, действующее трудовое законодательство не предусматривает возможности рассмотрения индивидуального спора в третейских (арбитражных) органах, и для спортсменов и тренеров как работников никаких исключений в этой части нет. В связи с этим также следует отметить, что согласно пп. 1 п. 1 ст. 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 3.04. 2018) в федеральных судах рассматриваются споры с участием граждан, вытекающие в том числе из трудовых правоотношений¹¹. Указанная норма лишь подтверждает первоначальный вывод.

Следует констатировать, что указанная норма ФЗ «О физической культуре» не может применяться ввиду ее противоречия действующему законодательству России. Это позволяет утверждать, что индивидуальные трудовые споры с участием спортсменов и тренеров на сегодняшний день рассматриваются в КТС и федеральных судах.

Аналогичным образом следует разрешать и коллизию, возникающую при разрешении спора о возможности рассмотрения автономным арбитражным учреждением спора с участием спортсмена и тренера, вытекающего из нарушения антидопинговых правил (пп. 2 п. 1 ст. 36.3 ФЗ «О физической культуре»). Этот Закон предусматривает, что такого рода споры подлежат рассмотрению в данном третейском органе. Однако в этом случае имеется противоречие между нормами федерального закона и Кодекса ВАДА, где в ст. 7.4, 7.5, 7.6, 8.1 право на расследование и слушание дела о нарушении антидопинговых правил возложено на антидопинговую организацию, к которой автономное арбитражное учреждение не отнесено. Что касается пересмотра решений о допинге в апелляционном порядке, то согласно гл. 13 Кодекса, в Международном спортивном суде рассматриваются апелляции в отношении спортсменов международного уровня. Из смысла указанных норм следует, что в национальном апелляционном органе могут рассматриваться апелляции в отношении спортсменов национального уровня, но в любом случае это лишь производство в апелляционном порядке, в то время, как из смысла ст. 26.3 ФЗ «О физической культуре» следует, что в российском арбитражном учреждении дела о допинге рассматриваются и по первой инстанции, что выглядит незаконным. Для устранения такого противоречия в пп. 2 п. 1 ст. 36.3 ФЗ «О физической культуре» целесообразно уточнить, что дела, вытекающие из нарушения антидопинговых правил, в автономном арбитражном учреждении подлежат рассмотрению лишь в порядке апелляции и в отношении спортсменов национального уровня.

¹¹ Российская газета. 2002. № 220. 20 ноября.

Заключение

Вопрос о юридической ответственности в российском праве был и остается актуальным. Поскольку ответственность в правовом смысле за поступки в обществе устанавливается государством, то по применению такой ответственности можно судить о том, насколько общество готово принимать и прощать незначительные нарушения или, наоборот, ужесточать формы карательного реагирования на какие-либо посягательства. Юридическая ответственность в целом является своеобразным общественным индикатором реакции на различные нарушения закона, а в некоторых случаях — моральных и нравственных принципов.

Если говорить о допинге и ответственности за его применение в спорте, то, во-первых, следует отметить, что это — новая сфера применения юридической ответственности как таковой. При этом важно, что антидопинговое российское законодательство является полностью заимствованным из антидопингового международного права. Ряд таких заимствованных норм породил немало пробелов и противоречий в российском законодательстве, которые проявляются в первую очередь в невозможности в полном объеме и точно адаптировать нормы международного характера к нормам российских антидопинговых и иных правил. Неполно определение допинга, закрепленное в законе. По мнению автора, данное в настоящей работе определение допинга является более полным, поскольку охватывает все аспекты обнаружения запрещенных субстанций, указывает на организации, наделенные полномочиями по расследованию нарушений и определению наказаний, а также на применение допинга в отношении животных, участвующих в соревнованиях.

Для устранения пробелов в нормативных актах о допинге необходимо изменить положение об апелляции, поскольку в существующей редакции Кодекса ВАДА она рассматривается как стадия обжалования актов, вступивших в законную силу, ввиду чего могут нарушаться права работника на обжалование судебных актов. Кроме того, целесообразно включить в гражданско-процессуальное законодательство нормы, обязывающие суд приостановить рассмотрение дел о восстановлении на работе спортсменов и тренеров в случае рассмотрения Международным спортивным арбитражем апелляции данных субъектов по допинговому спору.

В то же время критически следует отнести к тенденции законодателя ужесточать ответственность за допинг в целом, не меняя процедуру доказывания по делам о нарушении антидопинговых правил. Закрепленный в Кодексе ВАДА принцип презумпции виновности атлета позволяет наказывать любое лицо, в пробе которого обнаружили запрещенную субстанцию, что практически исключает состязательность в процессе как таковую.

Таким образом, внесение изменений в нормативные акты должно стать ближайшей целью деятельности законодателя в сфере нормотворчества по допинговым отношениям.

Библиография

- Агеев А.А. Определение понятия «Административная ответственность» в доктрине административного права // Вестник РУДН. 2015. №4. С. 9–13.
- Алексеев С.В. Международное спортивное право. М.: Юнити-Дана, 2008. 895 с.
- Алехин А. П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. М.: Зерцало-М, 2003. 461 с.
- Амиров И.М. Антидопинговый порядок в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3. С. 175–178.
- Байменова А.С. Допинг-скандал в России // Инновационная наука. 2016. № 5. С. 19–22.
- Власов А.А. Чрезвычайные происшествия и несчастные случаи в спорте. М.: Советский спорт, 2001. 80 с.
- Гусов К.Н., Шевченко О.А. Спортивное право. М.: Проспект, 2011. 95 с.
- Жеребченко А.В., Милин А.Е., Бадалова П.И. Допинг как предмет преступлений против здоровья населения и общественной нравственности// Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 111–114.
- Капустина М.А. Институт юридической ответственности как элемент системы правового регулирования//Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 52–62.
- Кочедыкова К.М. К вопросу об оспаривании процессуальных актов, принимаемых при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 1. С. 67–69.
- Кошаева Т.О., Ямашева Е.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге//Журнал российского права. 2017. № 6. С. 97–104.
- Крылова Е.С. Вопросы разграничения уголовной и административной ответственности за нарушение антидопинговых правил//Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 38–42.
- Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права. М.: Статут, 2009. 1151 с.
- Матузов Н.И., Малько А.В.. Теория государства и права. М.: Юрист, 2004. 242 с.
- Мохов А.А. Гражданско-правовые средства реализации антидопинговой политики в Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. 2017. Т. 159. С. 520–527.
- Лазарев В.В. (ред.) Общая теория права и государства. М.: Юрист, 2002. 472 с.
- Завгородний А.В. Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров в России//Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 49–52.
- Пешков Д.В. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 230.2 УК РФ//Инновационная наука. 2018. № 3. С. 65–68.
- Сорокин В.В., Кутявин М.Н. Основание юридической ответственности: новые подходы // Актуальные проблемы российского права. 2018. №9. С.51–57.

Чиканова Л.А., Нуртдинова А.Ф. Основные направления развития российского трудового законодательства // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 5–18.

Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность как средство защиты административного процесса // Юридическая и правоохранительная практика. 2016. № 3. С. 57–61.

Шевченко О.А. Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов: дис... к.ю.н. М., 2005. 162 с.

Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki. 2019. No 3

Liability for Violation of Anti-doping Rules in Russia: Issues and Prospects

Aleksey Chebotarev

Associate Professor, Labor Law and Social Security Law Department, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation. E-mail: achebotarev@hse.ru.

Abstract

Since 2014 the issue of legal liability for violation of anti-doping rules had been thrown into sharp relief in Russia, when reports of the Canadian lawyer Richard MacLaren were published, which covered the cases of using manipulations with samples of Russian athletes. The consequences that nowadays manifest themselves in the Russian sports community are off to be comprehended, and the negative impact they have had on the results of our state's domestic and foreign policy will only have an effect after a few decades. The exclusion of national teams from participation in international competitions, the mass disqualification of high-class athletes, the ban on holding of international competitions in Russia is not a complete list of measures applied to the Russia by international sports organizations. The state is trying to level out the situation and one of the anti-crisis areas of focus is the revision of the anti-doping national doctrine and changes of the Russian legislation aimed at upgrading of liability not only for the use of doping in sports, but also for encouraging such use, distribution of prohibited drugs among athletes and coaches. By virtue of these circumstances, the issue of the legal liability of athletes, coaches and other persons for violating of anti-doping rules appears to be particularly relevant. For resolution of the above-mentioned problems, firstly, it is necessary to determine the types of legal liability for doping, to determine the subjects of such liability, to investigate the types and conditions of the application of sanctions for such violations, as well as the established rules for appealing punishing court rulings. Notable in this matter is the fact that the anti-doping program has an international background and the main acts that regulate the researched group of public relations are international acts (conventions and codes) that take precedence over Russian legal acts, due to the ratification of the specified international conventions by our state. The analysis will identify gaps in the doping legislation and determine the prospects and directions for its development and improvement. In process of research scholar methods were implemented: historical, system-structural, logical and dialectical (general scholar methods), as well as formal legal, comparative, legal dogmatic and other special methods. At the end of the article it is proposed changes to the Russian legislation.

Keywords

Doping; anti-doping rules; World Anti-Doping Code; athlete; coach; legal liability.

For citation: Chebotarev A.V. (2019) The Liability for Violating Anti-Doping Rules in Russia: Issues and Prospects. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 76–97 (in Russian)

DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.3.76.97

References

Ageev A.A. (2015) The term of “administrative responsibility” in the doctrine of administrative law. *Vestnik RUDN*, no 4, pp. 9–13 (in Russian)

Alekseev S.V. (2008) *International Sports Law*. Moscow: Unity-Dana, 895 p. (in Russian)

Alekhin A.P., Karmolitsky A.A., Kozlov U.M. (2003) *Administrative law of the Russian Federation*. Moscow: Zertsalo-M, 461 p. (in Russian)

Amirov I.M. (2016) Anti-doping law in Russia. *Vestnik of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs*, no 3, pp. 175–178 (in Russian)

Baymenova A.S. (2016) Doping scandal in Russia. *Innovatsionnaya nauka*, no 5, pp. 19–22 (in Russian)

Chikanova L.A., Nurdinova A.F. (2010) Main directions of development of the Russian labour legislation. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 5, pp. 5–18 (in Russian)

Chuklova E.V. (2016) Procedural responsibility as a means of protection in the administrative process. *Yuridicheskaya i pravookhranitel'naya praktika*, no 3, pp. 57–61 (in Russian)

Gusov K.N., Shevchenko O.A. (2011) *Sports law*. Moscow: Prospect, 95 p. (in Russian)

International Olympic Committee. Medical Commission (1972) *The Doping*. Lausanne: International Olympic Committee, p.33.

Kapustina M.A. (2016) The institute of legal responsibility as an element of the system of legal regulation. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, no 9, pp. 52–62 (in Russian)

Kochedykova K.M. (2018) On challenging procedural acts adopted in the implementation of proceedings on cases of administrative offenses. *Vestnik Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*, no 1, pp. 97–104 (in Russian)

Koshaeva T.O., Yamasheva E.V. (2017) On establishing criminal liability for violations of doping legislation. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 6, pp. 97–104 (in Russian)

Krylova E.S. (2019) Delimitation of criminal and administrative responsibility for violation of anti-doping rules. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no 1, pp. 38–42 (in Russian)

Lazarev V.V. (ed.) (2002) *General theory of law and state*. Moscow: Yurist, 472 p. (in Russian)

Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. (2009) *The course of labour law*. Moscow: Statut, 1151 p. (in Russian)

Matuzov N.I., Malko A.V. (2004) *Theory of state and law*. Moscow: Yurist, 242 p. (in Russian)

Mokhov A.A. (2017) Civil legal means of implementing anti-doping policy in Russia. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, vol. 159, pp. 520–527 (in Russian)

- Peshkov D.V. (2018) The qualification of a crime under Art. 230.2 of the Russian Criminal Code. *Innovatsionnaya nauka*, no 3, pp. 65–68 (in Russian)
- Shevchenko O.A. (2005) The legal regulation of professional athletes labour. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 162 p. (in Russian)
- Sorokin V.V., Kutuyavin M.N. (2018) The basis of legal liability: new approaches. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, no 9, pp. 51–57 (in Russian)
- Vlasov A.A. (2001) *Accidents in sports*. Moscow: Sovetskiy sport, 80 p. (in Russian)
- Zavgorodniy A.V. (2010) Features of labour regulation of athletes and coaches in Russia. *Trudovoe parvo v Rossii i za rubezhom*, no 1, pp. 49–52 (in Russian)
- Zherebchenko A.V., Milin A.E., Badalova P.I. (2018) Doping as an object of crime against public health and public morality. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, no 2, p. 113 (in Russian)